

Глава 15

Фелтон Грин сидел в чистой и уютной ложе, храня гробовое молчание. Его состояние можно было описать как «на иголках».

События последних тридцати минут напоминали безумные качели. Всего полчаса назад пленника, избитого и окровавленного, вытащили из подвала, а теперь, отмытого и переодетого, усадили в роскошный кабинет... Как старый член «Ночного Филина», он прекрасно знал методы организации и их оперативность. Конечно, он также знал об их абсолютной нетерпимости к предательству.

По крайней мере, за шесть лет службы он ни разу не слышал, чтобы отступникам оказывали подобную «паллиативную помощь».

На столе стояло шампанское, виски и стейк — идеально прожаренный, с сочной розовой сердцевиной. Вино, судя по глубокому янтарному оттенку и сложному букету, было как минимум пятнадцатилетней выдержки. Даже паста была приготовлена вручную, с добавлением черного трюфеля и пармезана, чей манящий аромат наполнял комнату.

С какой стороны ни посмотри, это был прием по высшему разряду, достойный самого важного гостя.

Под конец сервировки рослый детина со шрамами на лбу, стоявший подле стола, даже почтительно склонился и вкрадчиво осведомился:

— Какой десерт изволите: мусс, ореховый тарт или шоколадные трюфели?

Фелтон, не понимая, в какую игру с ним играют, не проронил ни слова. Не дождавшись ответа, здоровяк выпрямился и вежливо произнес:

— Хорошо, подадим всё сразу.

Сюрреализм происходящего зашкаливал.

Вид и запах изысканных блюд, выставленных перед узником, который несколько дней провел в сыром подвале под пытками, не могли не подействовать. Однако мужчина держался — он заставил себя оставаться безучастным, не глядя на еду и не прислушиваясь к звукам. Он явно был крепким орешком.

Ждать в одиночестве пришлось недолго. Спустя мгновение дверь распахнулась, и в комнату вошли двое.

Тот, кто шел впереди, выглядел совсем молодым. Он сменил одежду на безупречно сидящий костюм, подчеркивающий его статную фигуру. Холодный взгляд черных, как тушь, глаз скользнул по Фелтону, придавая правильным чертам лица пугающую остроту. Весь облик юноши дышал суровостью и ледяным спокойствием.

Узник никогда не забудет это лицо.

Ло Хуай.

Мало того что им не удалось убить этого юнца во время прошлого задания, так теперь они сами оказались в его руках, точно затравленные псы.

Спутника, следовавшего за Ло Хуаем, Фелтон раньше не видел. Тот был заметно выше. Войдя, он сразу направился к креслу и сел, глядя на всё вокруг с ленцой и полным безразличием.

Узник рассматривал незнакомца очень осторожно, но даже так человек, неторопливо протиравший столовое серебро мягкой тканью, безошибочно поднял голову и встретился с ним взглядом.

Заметив внимание к своей персоне, незнакомец чуть смягчил холодную отстраненность. Его красивые «глаза феникса» сузились в легкой улыбке — на вид безвредной и даже кокетливой. Со стороны он казался простым украшением, живым «аксессуаром», который Ло Хуай привел с собой для солидности.

«Аксессуар», впрочем, и впрямь ничего не делал. Пока лидер обменивался любезностями с Фелтоном, мужчина опустил голову и принялся сосредоточенно накручивать пасту на вилку, обильно сдабривая её соусом.

Ло Хуай мягко улыбнулся и протянул руку.

— Господин Фелтон Грин, я полагаю? Я Ло Хуай, кадровый офицер «Ночного Филина». Прошу простить за неудобства последних дней.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Признаться, у меня были некоторые возражения относительно методов допроса, которые применяет босс Ламан. К счастью, сегодня мне удалось получить его согласие на то, чтобы мы могли поговорить в более подходящей обстановке.

Речь была безупречной, но Фелтон и сам умел играть в подобные игры. Он не собирался пожимать протянутую ладонь и даже не удостоил юношу взглядом.

Ло Хуай не разозлился. Он лишь коротко рассмеялся и перевел взгляд на руки пленника, скрытые под скатертью.

— У вас совсем нет сил поднять руку? — вкрадчиво спросил он. — Что ж, примите мои искренние извинения.

Ногти на пальцах Фелтона были вырваны один за другим еще в подвале. При этих словах в его глазах вспыхнула ярость, но собеседник, как ни в чем не бывало, отодвинул стул и принялся за еду.

— Вам помочь разрезать мясо? — заботливо поинтересовался юноша.

В ответ мужчина лишь криво усмехнулся. Он взял нож и, словно в отместку, с силой отрезал огромный кусок стейка.

Чу Сюнь, сидевший рядом и неторопливо пробовавший десерт, едва заметно улыбнулся. Ло Хуай держался отлично: его провокации были точными, а ритм беседы полностью подчинился его воле. Юноша явно делал успехи в искусстве манипуляции. По крайней мере, сейчас он совсем не напоминал того, кто мог ревновать к уличной кошке.

«Умный ученик, — подумал Чу Сюнь»

Когда Фелтон начал есть, напряжение немного спало, но тишина оставалась гнетущей. Никто не проронил ни слова, все были заняты трапезой. Время шло, и Чу Сюнь уже с видимым удовольствием перешел к сладкому.

Ло Хуай мельком взглянул на него и буднично пододвинул к нему тарелку с ореховым тартom, к которому спутник явно проявлял интерес. Затем он отложил приборы и аккуратно вытер губы салфеткой.

Только тогда он заговорил снова:

— Господин Фелтон, на самом деле мы здесь для того, чтобы предложить вам сотрудничество от имени организации. Вы отдали «Ночному Филину» шесть лет своей жизни. Вас по праву считают ветераном. Помню, когда я только пришел, мне рассказывали о ваших заслугах: и о борьбе за территорию с «Красным Кроликом», и о конфликтах с «Сэнькоу». Всё это решалось под вашим началом. Несмотря на то что вы решили уйти, мы помним ваш вклад.

Чу Сюнь отправил в рот кусочек хрустящего печенья и, прикрыв глаза, слушал ученика.

На самом деле, по дороге сюда Ло Хуай заметно нервничал. Семья Грифон никогда не готовила его к роли наследника, всё, что он знал, было добыто им самим, тайком... По правде говоря, он не верил, что обладает талантом лидера. Именно поэтому он всегда рвался на передовую,

надеясь завоевать уважение грубой силой.

Однако Чу Сюнь видел его насквозь. Он не стал утешать юношу, а просто велел ему пойти в уборную и умыться холодной водой, чтобы привести мысли в порядок.

Ло Хуай послушно исполнил приказ. Когда он поднял голову от раковины, его щеки покраснели от холода, а капли воды стекали с влажных прядей, стремясь заползти за воротник.

Чу Сюнь лениво прислонился к стене рядом и, не говоря ни слова, кончиками пальцев приподнял его лицо за подбородок. Влажные волосы и капли воды коснулись кожи, и мужчина невольно провел большим пальцем по острой линии челюсти юноши. Тепло его пальцев казалось обжигающим на фоне ледяной воды, а вкрадчивый шепот всё еще звучал в ушах Ло Хуая.

Чу Сюнь объяснял ему, что переговоры мало чем отличаются от сражения. К примеру, как в легендах о великом герое Ричарде Наре — его школа фехтования строилась на единстве атаки и защиты. Каждое наступательное движение одновременно прикрывало тело, а в каждом блоке таилась возможность для контратаки. Только так можно перехватить инициативу, заставить противника обороняться и в конечном итоге сломить его волю градом ударов.

В переговорах всё так же: чем смиреннее и мягче кажется вступление, тем больше возможностей открывается для последующего удара.

По-настоящему опасны не те, кто кичится властью, а те, кто кажется расслабленным, но при этом видит каждый твой шаг насквозь.

Ло Хуай слушал предельно сосредоточенно. Капля воды соскользнула с его лба на ярко-красные губы, придавая облику манящую выразительность. Сам юноша этого не замечал, послушно подставляя лицо под ладонь наставника.

Наконец Ло Хуай прошептал:

— Я понял. Нужно быть как ты, верно? Делать вид, что тебе всё равно, потому что ситуация под полным контролем.

Чу Сюнь небрежно усмехнулся и переместил пальцы выше, медленно сминая губы юноши. На этот раз это не было случайным касанием — он намеренно заставил их покраснеть, наслаждаясь результатом своего озорства.

Его серебристо-голубые глаза скользнули по лицу Ло Хуая, и он произнес:

— Нет. Мне действительно всё равно.

— Тогда почему... ты всё это мне рассказываешь? — Ло Хуай задал этот вопрос очень тихо, едва дыша, словно боясь спугнуть бабочку, севшую ему на сердце.

— Потому что ты мне интересен, — бросил Чу Сюнь так легко, будто констатировал самый очевидный факт в мире.

В глазах юноши расцвела робкая улыбка. Чу Сюнь отпустил его подбородок и почти покровительственно похлопал парня по щеке.

— Постарайся меня не разочаровать. Как только твоя ценность для меня иссякнет, я тебя брошу.

Его улыбка была безупречной, а взгляд — холодным и прозрачным, как озерная гладь в ледяной пустыне. Эти слова, произнесенные шепотом, походили на нашептывания искусителя, заманивающего чистую душу в преисподнюю.

Но юноша ответил без колебаний. Он прижался к Чу Сюню, словно зверек, ищущий тепла, и каждое его слово звучало как клятва:

— Я стану ценным... настолько, что тебе вечно будет интересно на меня смотреть.

Слово «вечно» для Чу Сюня было не более чем пустой шуткой, но он промолчал. Он лишь обнял Ло Хуая — мимолетно, почти не касаясь его, — и на этом разговор был окончен.

***

Фелтон прервал поток дифирамбов Ло Хуая своим хриплым голосом:

— К чему все эти сладкие речи? Обычное лицемерие.

— Нет, вовсе нет, — юноша едва заметно покачал головой. — Я говорю это, чтобы подчеркнуть: у вас есть ценность как у партнера по переговорам. Мы недооценили вас. Нам следовало сразу понять, что в подвале вы ничего не скажете... У вас есть гордость.

Слово «гордость» задело тайные струны в душе предателя. Много лет назад он верил, что став частью преступного мира, обретет власть. Но человеческая алчность безгранична.

Шли годы, его жадность росла, а молодых претендентов на его место становилось всё больше... Именно тогда его нашел Перси. Стоило тому лишь слегка подтолкнуть Фелтона, и он рухнул в бездну предательства. Страх, сомнения — теперь это не имело значения. Мужчина совершил достаточно, чтобы люди «Ночного Филина» заживо содрали с него кожу. Пути назад не было. В этом и заключалась его нелепая гордость, которую никто не мог понять.

Но сегодня этот мальчишка произнес это слово — и в сердце Фелтона что-то дрогнуло.

Ло Хуай смотрел ему прямо в глаза. В черных зрачках отражалось пламя свечей, мерцающая, точно расплавленное золото. Он заговорил снова — тихо и спокойно, будто рассказывал старую сказку:

— Предательство бывает разным... Вы ведь читали мифы? К примеру, Геракл в припадке безумия убил свою семью — это стало началом его двенадцати подвигов. Но он предал близких не по своей воле, а из-за проклятия Геры. Он был героем, которого столкнули в бездну, и остаток жизни он искупал свою вину великими делами. Его имя живет в веках.

Он сделал паузу и продолжил:

— Икар же — совсем другое дело. Он пренебрег советом отца и возомнил, что крылья из перьев и воска позволят ему сбежать с Крита. Он взлетел слишком высоко, солнце растопило воск, и он погиб, рухнув в море. Господин Фелтон Грин, кто вы: герой Геракл или самонадеянный и глупый Икар?

Эта софистика Ло Хуая била в самую цель. Подражая Чу Сюню, он плел кружево из историй, в которых скрывался недвусмысленный намек. Он видел, как меняется выражение глаз мужчины.

Фелтон замолчал. Ло Хуай нанес решающий удар:

— Там, где на кону стоит выгода, не бывает вечных врагов. Мы можем стать партнерами. Как только вы выдадите местонахождение груза и убежище сообщников, у нас появится общая цель. Уверен, в «Ночном Филине» еще много тех, кто готов пойти за вами. Вы вполне можете снова стать Гераклом, не так ли?

Мужчина закрыл лицо руками и тяжело выдохнул.

— Как мне поверить, что ты не лжешь? — глухо спросил он.

Ло Хуай незаметно выдохнул, чувствуя, как отпускает напряжение.

Но именно в этот миг всё изменилось.

Не успело затихнуть последнее слово Фелтона, как тот самый член организации со шрамами, что предлагал десерты, молниеносно выхватил из-за пояса нож. Прежде чем кто-либо успел осознать происходящее, он метнул лезвие прямо в сердце Ло Хуая.

Впрочем... один человек всё же успел среагировать.

Тот самый красавец, что с напускным безразличием поедал сладости, в эту роковую секунду небрежным жестом отбросил серебряную вилку. Время и сила броска были рассчитаны настолько идеально, что вилка сбила нож с траектории за мгновение до того, как тот коснулся груди юноши. Оружие со звоном отлетело в сторону.

Затем Чу Сюнь неспешно поднялся. Из рукава его плаща скользнул изящный короткий изогнутый клинок. Едва заметное движение кисти — и Фелтон почувствовал, как над его головой пронесся ледяной вихрь. Смерть промелькнула так близко, будто коса жнеца коснулась его волос.

Чу Сюнь стоял на месте и безмятежно улыбался. Его голос прозвучал почти извиняюще:

— Ой, простите. У меня, как и у того джентльмена, просто соскользнула рука.

Он улыбался так искренне, что от этой улыбки кровь стыла в жилах. И за этим страхом Фелтон совершенно не заметил иного смысла, скрытого в его улыбке.

<http://bllate.org/book/15843/1432970>